

Домашние женщины собрались вместе, обсуждая различные варианты решения проблемы. Каждая взяла с собой что-то, чтобы попробовать, а большую часть оставили в главном зале, сказав, что кто захочет, тот возьмет.

Утром небо было затянуто тучами, а ветер дул так, что казалось, будто он давит на людей. Казалось, что вот-вот начнется сильный дождь, но к полудню он так и не пошел. После обеда Гу Мо, возможно, уставший от недавних походов с караваном, почувствовал себя неважно и рано ушел из школы боевых искусств, вернувшись домой.

Открыв дверь, он обнаружил, что служанка Юэ'э, Ту-эр, находилась в его комнате. Непонятно, как это произошло, но между ними возникла ссора. Ту-эр плакала, утверждая, что хотела сделать подошвы для обуви для мужчин семьи и искала новую ткань.

Ань Шаохуа холодно наблюдал за происходящим, не говоря ни слова. Во-первых, для подошвы обуви новая ткань не нужна, а во-вторых, новая ткань находилась в главном зале. Зачем тогда Ту-эр пошла в комнату Гу Мо? Но Ту-эр настаивала на своем, плача и угрожая покончить с собой. Юэ'э, не выдержав, тоже начала скандалить. Гу Мо, бледный и сжав губы, молчал.

Дом погрузился в хаос, и Ань Шаохуа, махнув рукой, покинул его. Ему было лень разбираться во всей этой суете.

Во время ужина Гу Мо не вышел к столу, Цзинхэ и Цзинцю также не появились. Ань Шаохуа, немного обеспокоенный, приказал Сюаньнян оставить еду для Гу Мо и его сыновей.

После ужина Ань Шаохуа в своем кабинете размышлял над новыми дизайнами украшений, когда появился Гу Мо. Войдя, он сразу заявил, что в его комнате пропала важная вещь, и спросил, кто, кроме Ту-эр, заходил туда.

Ань Шаохуа, заметив, что лицо Гу Мо все еще выглядит бледным, подошел ближе и взял его за руку. Как и ожидалось, она была холодной и слегка влажной от пота.

— Что пропало? Даже если я буду искать, мне нужно знать, что именно, — сказал он, растирая руку Гу Мо.

Гу Мо, что было для него редкостью, начал запинаться. Несколько раз он пытался встать, но Ань Шаохуа, держа его за руку, не давал ему этого сделать.

Ань Шаохуа мягко сжимал руку Гу Мо, проводя пальцами по каждому пальцу, а затем переходя к предплечью. Гу Мо, выросший в военном лагере под опекой почтенного господина Гу, уже в тринадцать-четырнадцать лет проявил себя на поле боя. Для других это было наследственной привилегией, но Ань Шаохуа знал, сколько старых ран было на его теле.

Сам Гу Мо не придавал этим ранам большого значения, принимая лекарства только тогда, когда боль становилась невыносимой. В остальное время он вел себя как здоровый человек, не заботясь о своем рационе или образе жизни. Но Ань Шаохуа всегда помнил об этом и в их уединенные моменты тихо массировал его руки.

— Ты сегодня снова плохо себя чувствуешь? Если так, то почему не отдыхаешь? Завтра утром я попрошу для тебя отпуск. Отдохни от школы боевых искусств на несколько дней. Я также поговорю с караванной службой, чтобы ты не выходил в походы ближайшие месяц-два.

— Я не такой уж ценный. Вся семья нуждается в пропитании. Сегодня я уже взял отпуск в школе боевых искусств, завтра не пойду. А ты спроси Ту-эр и других, кто видел в моей комнате

эту печать. Это очень важная вещь, — сказал Гу Мо, показывая размер обычной личной печати. — Она из черного нефрита с легким зеленоватым оттенком, с узором, который любят использовать цяньжэнь.

— Хорошо, я сначала осмотрю место, а сейчас... Я тщательно осмотрю тебя, пострадавшего, — сказал Ань Шаохуа, его руки становились все более непослушными.

Гу Мо не был стеснительным человеком, и они немного пошалили в кабинете, а затем отправились в его комнату.

Ночью, лежа в тишине, Гу Мо попросил Ань Шаохуа достать с балки маленький кошелек. Внутри были две бумаги. Гу Мо, при свете луны, взглянул на них и передал Ань Шаохуа, сказав, что это очень важные вещи, и попросил его хранить их бережно. Ань Шаохуа взял их, не глядя, хотя краем глаза заметил, что на бумагах что-то написано черными чернилами.

Ань Шаохуа с улыбкой поддразнил его:

— Откуда у тебя в последнее время столько важных вещей? Давай, давай, дай мне обыскать тебя, может, найду что-то еще важное?

Его слова были шутливыми, но руки вели себя совсем не так. Однако он все же помнил о состоянии Гу Мо и не переходил границ.

На следующий день пошел сильный дождь, будто небо прохудилось. Ливень лил как из ведра, и вскоре на земле образовались лужи, в которых пузырились капли. Ань Шаохуа утром сначала зашел в кабинет, положил кошелек Гу Мо в ящик, где хранил различные контракты, и аккуратно запер его. Затем, впервые за долгое время, он отправил Цзинхэ в магазин тканей.

Гу Мо, вероятно, устал и проспал весь день, выпив лишь пару глотков каши в полдень, а к вечеру выглядел вялым.

После дождя несколько дней подряд стояла ясная погода, небо было невероятно голубым.

Ткань, которую Цзинхэ принес в прошлый раз, женщины семьи превратили в ароматные мешочки, туфли и шапки с тигровыми головами, а также в игрушки для детей, такие как тканевые тигры и мячики, наполненные травами и специями. Сюаньнян положила эти вещи в магазин, предлагая их в качестве подарков при покупке украшений, а также продавая отдельно. За несколько дней они заработали более трехсот вэней.

Ань Шаохуа поручил Цзинхэ спросить в магазине тканей, есть ли еще такая ткань, и если да, то купить побольше.

Гу Мо выпил имбирный отвар, пропотел и, отдохнув пару дней, настаивал на том, чтобы выйти на работу. Ань Шаохуа немного поворчал, но отпустил его. Вечером Гу Мо вернулся, переоделся и присоединился к семье за ужином.

После ужина Гу Мо подмигнул Ань Шаохуа, и они отошли в сторону.

Ань Шаохуа, получив намек, повел Гу Мо в кабинет.

Гу Мо, оглянувшись, торопливо заговорил:

— Эта печать вернулась в мою комнату.

Несмотря на то, что она нашлась, лицо Гу Мо не выражало облегчения, а скорее напряжение, будто надвигалась буря.

— На печати есть красная глина, я боюсь, что ее использовали.

— Эта печать важна?

— Я не знаю, знает ли тот, кто взял ее, как ее использовать. Если он найдет нужного человека, то печать... — Гу Мо закусил губу, подбирая слова. Ань Шаохуа усадил его в кабинете и налил чаю.

— Не торопись, давай начнем с начала. Ты сказал, что на печати узор, который любят использовать цяньжэнь. Подумай, кто может знать, как ее использовать? Кому она может быть полезна?

— Письма! — Гу Мо вдруг вскочил.

— Какие письма?

— Кошелек, который я тебе дал в прошлый раз, где он?

— Не волнуйся, кошелек в безопасном месте, — успокоил Ань Шаохуа, доставая ящик с контрактами. Он взял свой ключ, открыл ящик, вынул кошелек и открыл его. Оба остолбенели: внутри была только одна белая бумага без единого слова.

Долгое время они молчали. Ань Шаохуа был в замешательстве. В ту ночь, хоть он и не уделял этому много внимания, но все же видел, что на бумагах было несколько строк черных иероглифов. Как могло случиться, что в ящике они исчезли? Неужели они навлекли на себя гнев какого-то духа? Ань Шаохуа, будучи опытным следователем, знал, что чем более невероятным кажется происшествие, тем больше вероятность, что кто-то приложил немало усилий, чтобы создать видимость сверхъестественного и скрыть истинные мотивы.

Ань Шаохуа схватил Гу Мо за руку и, глядя ему в глаза, спросил:

— Что было в кошельке? Что там важного? Как это связано с печатью?

Гу Мо посмотрел на Ань Шаохуа, его голос стал напряженным, и он произнес каждое слово отчетливо:

— В кошельке было два письма и документ на дом. Документ на трехкомнатный дом в соседнем уезде, владельцами которого являются Гу Цзинхэ и Гу Цзинцю. Письма написаны рукой нынешнего наследного принца, в которых говорится, что двое братьев из семьи Гу должны отправиться в соседний уезд, вступить в реестр служилого сословия, а через три года смогут сдать экзамены на чиновничью должность. В другом письме рекомендуется зачислить Цзинцю в государственную школу префектуры. Печать — это личная печать наследного принца, которая в присутствии чиновников может заменить его собственноручный указ, а в военном лагере может мобилизовать до пяти тысяч солдат.

Услышав это, Ань Шаохуа не смог сдержать волнения. Никто лучше него не понимал значения этих писем. Его руки дрожали, тело покрылось потом, а в ушах звенело. Он даже не расслышал, что Гу Мо говорил дальше.

Он хотел спросить Гу Мо, откуда у него письма наследного принца, но его слова изменились:

— Только Цзинцю может поступить в государственную школу? А Цзинхэ? Цзинхэ — талантливый парень, с детства учителя говорили, что он подает большие надежды. А теперь... теперь... он уже несколько лет не учился, возможно, он отстал. Завтра утром я сам буду его учить. Цзинхэ больше не пойдет в магазин тканей, я стану их учителем.

Гу Мо улыбнулся:

— Сяо Доумяо написал только эти два письма.

Видя возбужденное выражение лица Ань Шаохуа, он толкнул его и добавил:

— Ты, наверное, не заметил, что Цзинхэ и Цзинцю должны сменить фамилию на Гу!

<http://bllate.org/book/16674/1529206>